

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. С.-Петербургъ. 1873 г.

Что намъ ручается за авторитетъ науки? То есть на какомъ основаніи мы можемъ вѣрить, что наука неуклонно ведетъ насъ къ истинѣ, что она не впадаетъ въ большія и частыя заблужденія?

Вообще говоря, такого основанія и быть не можетъ. Наука, какъ и все человѣческое, подвержена всякимъ несовершенствамъ, колебанію, уклоненію, затмѣнію, болѣзни, уродству. За кѣмъ бы мы ни признали высшій судъ и послѣднее слово, -- будетъ-ли это *общее согласіе ученыхъ*, или *лучшіе изъ авторитетовъ*, или *новое, нараждающееся направленіе* -- во всякомъ случаѣ мы не можемъ ручаться, что попадемъ на истину, а не на заблужденіе.

Между тѣмъ наука имѣетъ притязаніе на безусловный авторитетъ, никакого суда не признаетъ выше своего. Таковъ современный идеалъ науки, и можетъ быть никогда еще она не заявляла его такъ твердо, и никогда такъ крѣпко въ него не вѣровали люди, какъ въ настоящее время.

Что-же выходитъ? Такъ какъ наука безконечно далека отъ своего идеальнаго состоянія, которое оправдывало бы ея притязанія, такъ какъ только самое ничтожное число людей можетъ стоять даже на современной высотѣ науки, то изъ вѣры въ науку необходимо проистекають безчисленныя *суевѣрія*, то есть ученые безпрестанно проповѣдуютъ односторонніе, узкіе, извращенные взгляды, а люди непосвященные, томимые желаніемъ постигнуть научныя истины, хватаются за слова, прилѣпляются къ авторитетнымъ книжкамъ, создаютъ себѣ разныя фантастическія понятія, и такимъ образомъ блуждаютъ и волнуются, почти ни въ чемъ не достигая научнаго пониманія. Таковъ обыкновенный ходъ дѣла, и ученые знаютъ это даже лучше другихъ. Они только имѣютъ на этотъ случай готовое утѣшеніе; они говорятъ: "всѣ эти заблужденія и суевѣрія ничего не значать. Хорошее въ нихъ -- уваженіе къ наукѣ, та вѣра въ нее, которую нужно всячески поддерживать. Нынче наука не даетъ истины, но въ будущемъ она достигнетъ своего идеала, и ради этого будущаго мы должны радоваться всякому движенію мысли, даже неправильному".

Такъ точно говорить и г. Сѣченовъ въ началѣ своей книги.

"Къ сожалѣнію", пишетъ онъ, "въ жизни, какъ и въ наукѣ, всякая почти цѣль достигается окольными путями, и прямая дорога къ ней дѣлается ясною лишь тогда, когда цѣль уже достигнута... Бывали случаи, когда изъ положительно дикаго броженія умовъ выходила современемъ истина. Пусть вспомнятъ, напримѣръ, къ чему привела человѣчество средневѣковая мысль, лежавшая въ основѣ алхиміи. Страшно подумать, что стало бы съ этимъ человѣчествомъ, если бы строгимъ средневѣковымъ опекунамъ общественной мысли удалось пережечь и перетопить, какъ колдуновъ, какъ вредныхъ членовъ общества, всѣхъ этихъ страстныхъ тружениковъ надъ безобразной мыслью, которые безсознательно строили химію и медицину. Да, кому дорога истина вообще, т. е. *не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ*, тотъ не станетъ нагло ругаться надъ мыслью, проникающей въ общество, какой-бы странной она ему ни казалась".

"Имѣя въ виду этихъ безкорыстныхъ искателей *будущихъ истинъ*, я рѣшаюсь пустить въ общество нѣсколько мыслей относительно психической дѣятельности головного мозга, мыслей, которыя еще никогда не были высказаны въ фیزیологической литературѣ по этому предмету" (стр. 2).

Вотъ какую, можно сказать, оговорку счелъ нужнымъ сдѣлать авторъ. Онъ повидимому готовъ поставить себя на ряду съ алхимиками и искателями жизненнаго эликсира, онъ не признаетъ непогрѣшимости науки; но за то онъ требуетъ вѣры въ ея будущее, онъ успокоивается на той мысли, что наука подчинена неизмѣнному закону прогресса и что поэтому самое лучшее условіе для ея развитія есть полная свобода. Такое убѣжденіе давно господствуетъ и имѣетъ для себя очень глубокія основанія. Мы не будемъ здѣсь разбирать его въ этихъ его основаніяхъ, но замѣтимъ только, что оно было поводомъ къ очень печальнымъ явленіямъ, для оцѣнки которыхъ не нужно пускаться въ большую глубину. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу начала *laissez faire laissez passer*, умственная безурядица, умственная анархія давно вошла въ обычай, получила силу какого-то неизбѣжнаго закона. Людей увѣрили, что имъ не нужно обдумывать всѣ послѣдствія и все значеніе своихъ мыслей, что можно довольствоваться частными и отрывочными взглядами, что увлеченіе и односторонность даже похвальны и полезны, что все это прійдетъ въ порядокъ само собою, одно другимъ уяснится и дополнится, и что изъ трудовъ людей, которые сами не знаютъ, что они дѣлаютъ и куда идутъ, какою-то чудесною силою возникнетъ стройное зданіе истины. Эту надежду